

*Александрова В.* Чехов и Московский  
Художественный театр // Новое русское  
слово. Нью-Йорк, 1960. 24 января. № 17111.  
С. 3.

...шим лирическим началом, а лирика неприменно ассоциировалась с грустью, печалью».

В восприятии Станиславского «Антон Павлович по природе своей был театральным человеком. Он любил, понимал и чувствовал театр — конечно, с лучшей его стороны. Он любил тревожное настроение репетиций и спектакля, любил работу мастеров на сцене, любил прислушиваться к мелочам сценической жизни... но особенное пристрастие он питал к правдивому звуку на сцене».

Присутствуя на многих репетициях «Трех сестер», Чехов делал свои замечания «осторожно, почти трусливо». Только одно свое мнение — по словам Станиславского, он отстаивал энергично и это относилось не только к «Трем сестрам», но и к «Дяде Ване»: чтобы не утрировали и не карикатурили провинциальной жизни, чтобы из военных не делали театральные «шаркунов» с дребезжающими шпорами, а играли бы «простых, милых, хороших людей, одетых в поношенные, а не в театральные мундиры, без всяких театрально-военных выправок, поднятий плеч, грубостей и т.д.» И тут Станиславский приводит слова самого Чехова: «Этого же нет, — убеждал он особенно горячо, военные же изменились, они стали культурные, многие из них уже давно начинают понимать, что в мирное время они должны приносить с собой культуру в отдаленные медвежьи углы».

Много замечаний — «шарады» Чехова артисты театра разгадали позже, но несколько и отнюдь не незначительных так и остались нерешенными. Это касалось двух пьес Чехова — «Трех сестер» и «Вишневого сада». Станиславский вспоминает, что до самой своей смерти Чехов не мог примириться с тем, что его «Три сестры», а позже и «Вишневый сад» — «тяжелая драма русской жизни. Он был убежден, что «Три сестры» — веселая комедия, почти водевиль». «Я не помню, — прибавляет Станиславский, — чтобы он с таким жаром отстаивал какое-нибудь другое свое мнение, как это, в том заседании, где он впервые услышал такой отзыв о своей пьесе».

Кто же в этом вопросе был прав — Чехов или Художественный театр?

Советские театральные критики и публицисты посвятили разбору этого вопроса немало внимания. Среди их работ заслуживает быть отмеченной книга В. Ермилова «Драматургия Чехова» (изд. «Советский писатель», М. 1948 г.). Она посвящена драматическим произведениям писателя, начиная с «наиболее личной» «Чайки» и кончая «Вишневым садом». Немало места в этой работе уделяется разгадке природы разногласия в оценке двух крупных произведений Чехова — пьес «Три сестры» и «Вишневый сад».

Этой разгадке помог Ермилову Горький. Он, кажется первый высказал мнение, что Чехов создал новый «оригинальный тип пьесы — лирическую комедию. Когда его изящные пьесы играют как драмы, они от этого тяжелеют и портятся». Ермилову кажется, что когда Чехов, изменяя своей обычной сдержанности, настаивал на комедийной природе «Трех сестер», он опасался того, о чем говорил Горький, что его пьеса «отяжелеет и испортится, если не будут поняты ее новизна и своеобразие». Исходя из этого, Ермилов и пришел к выводу, что характерной особенностью этой пьесы является «сплетение двух начал»: «Комедия, погруженная в атмосферу тончайшей и глубокой лирики... и характеризует пьесу, ее оригинальную необычность». «Комедийная природа пьесы была как будто зашифрована лирикой».

Еще решительнее было расхождение между Чеховым и театром во время работы над постановкой «Вишневого сада». В письме к О. Л. Книппер Чехов спрашивал: «Почему на афишах и газетных объявлениях моя пьеса так упорно называется драмой?» По мнению Чехова Немирович и Станиславский «видят в этой пьесе не то, что он написал. Ермилов так пытается разобраться в природе этого разногласия: «Если добраться до комедийной основы «Трех сестер» мешала та трудность, что в пьесе было слито воедино комическое начало с драматическим... то комедийная основа «Вишневого сада» заслонялась в восприя-

...шим лирическим началом, а лирика неприменно ассоциировалась с грустью, печалью».

И все же, несмотря на наличие серьезных разногласий и Ермилов не отрицает, что Художественный театр и Чехов были как бы «созданы друг для друга» и что между ними был найден «общий творческий язык». Думается, что решить вопрос о том, кто из них — Чехов или театр — были правы в возникших разногласиях, нельзя без учета исторической обстановки того времени: в восприятии некоторых пьес Чехова Художественный театр несомненно отражал настроения предреволюционного демократически настроенного зрителя и читателя. В пьесах Чехова он улавливал то, что чувствовал сам: страна стоит накануне больших, исполненных драматизма событий. Оглядываясь на окружающую жизнь, не Серебряковы, а дяди Вани и Астровы усиливали лирический элемент Чеховских пьес печалью.

до прибавить и еще одну особенность: ведь некоторая часть театральной аудитории сама состояла из героев Чеховских пьес — скромных, неутомимых, но неведомых тружеников русской провинции. Чехов взял их за руки и ввел в большую литературу, показав не только русским читателям, но и читателям всего мира скрытую красоту этих рядовых «незаметных» тружеников.

Сегодняшние молодые читатели Чехова частично состоят из тех людей, которые вновь «открыли» для себя Чехова, почувствовав в нем друга и союзника в борьбе за вечные нравственные ценности.

Вероятно современные зрители и читатели испытали бы большое моральное удовлетворение, если бы по случаю столетней годовщины со дня рождения Чехова его имя было бы закреплено за театром, впервые открывшим русской и мировой культуре Чехова — драматурга и писателя.

В. Александрова

## Чехов и Московский Художественный Театр

В истории мировой литературы найдется, вероятно, немало писателей, связавших свою литературную судьбу с театром — Шекспир, Мольер, Расин... У нас А. Н. Островский. Но связь, возникшая и окрепшая у Чехова в последние годы его жизни с Московским Художественным Театром — единственная в своем роде. О чувствах артистов театра к Чехову рассказал Станиславский на праздновании десятилетнего юбилея Художественного Театра: «От Чехова из Ялты прилетела к нам «Чайка»; она принесла нам счастье и указала новые пути в нашем искусстве». А Немирович-Данченко в речи, обращенной к Чехову на премьере «Вишневого сада» в 1904 году, выразил эти чувства еще ярче, сказав: «Наш театр в такой степени обязан твою таланту, твою нежному сердцу, твоей чистой душе, что ты по праву можешь сказать: «Это мой театр».

Н.Д. Телешев в своих воспоминаниях приводит выдержку из одного письма Чехова, в котором А. П. так характеризовал этот театр: «Художественный Театр — это лучшие страницы той книги, которая когда-либо будет написана о современном русском театре».

Младшие современники Чехова, бывшие детьми, когда он умер, позже встречавшиеся с артистами Художественного театра, сами могли наблюдать как много лет после кончины Чехова среди них продолжал жить культ А. П. Культ этот проявлялся в сознательном и бессознательном имитировании самой манеры Чеховских высказываний, застенчивой односложности, в како-то робкой зашифрованности его замечаний. «Шарадами» награждал Чехов не одного Станиславского, а многих артистов. Так, например, в упомянутом очерке Волкова, со слов самого Качалова приводится отзыв Чехова о Качаловском исполнении Вершинина в «Трех сестрах»: «Хорошо. Очень хорошо. Только козырьете не так, не как полковник. Вы козырьете, как по-

чи. Чехов присутствовал на многих репетициях своих пьес, в частности, и на «Чайке». Спектакль ему понравился, но некоторых исполнителей его, в том числе и самого Станиславского, игравшего Тригорина, он осудил, сказав ему: «Вы же прекрасно играете, но только не мое лицо. Я же этого не писал». На вопрос озадаченного Станиславского — «В чем же дело?», Чехов ответил: «У него же (т.е. у Чеховского Тригорина) клетчатые панталоны и дырявые башмаки». И всегда свои высказывания — добавил Станиславский — Чехов делал «образно и кратко». Эти замечания были сродни «шарадам» от которых не отделаешься до тех пор пока их не разгадаешь. И эту шараду Станиславский «разгадал только через шесть лет, при вторичном возобновлении «Чайки». Только тогда его вдруг осенило: «В самом деле, почему я играл Тригорина хорошеньким франтом в белых панталонах и таких же туфлях «Бен де мэр»? Неужели потому, что в него влюбляются? Разве этот костюм типичен для русского литератора? Дело, конечно, не в клетчатых брюках, драных башмаках и в сигаре. Нина Заречная... влюбляется не в него, а в свою девическую грезу. В этом и трагедия подстреленной Чайки. В этом насмешка и грубость жизни...» Позже, в порядке дублерства, Тригорина часто играл Качалов (см. «Качалов», Сборник статей, воспоминаний, писем», Гос. Изд. «Искусство», М. 1954 г.). Об этом рассказывает в этом сборнике Н. Д. Волков в очерке «Образы Чехова и Горького в творчестве Качалова».

Само собой разумеется, что «шарадами» награждал Чехов не одного Станиславского, а многих артистов. Так, например, в упомянутом очерке Волкова, со слов самого Качалова приводится отзыв Чехова о Качаловском исполнении Вершинина в «Трех сестрах»: «Хорошо. Очень хорошо. Только козырьете не так, не как полковник. Вы козырьете, как по-